

NEVER AGAIN

Памяти рава Меира Кагане ЗЦЛ

1

На пустеющую улицу надвигалась темнота. Движение прекратилось почти полностью, хотя комендантский час еще не вступил в силу. Напротив позиции, которую я занимал, сидя в своей сторожевой вышке, проходила центральная улица Газы, в редкие дни без забастовок шумная, полная людей, ослов и автомобилей. По однообразию машин, одежде людей и общему запустению город сильно напоминал обычный областной центр в стране моего исхода, только что пьяных не было. Но сейчас улица была пуста. Наступающую тишину нарушали лишь усиленные динамиками крики муэдзинов, в разноголосье возвещающие о начале вечерней молитвы. "Надо включить прожектор", подумал я,- "Ведь, согласно приказам, стрелять можно лишь в том случае, когда ты ясно видишь бутылку с зажигательной смесью в руке у террориста перед ее броском. Когда же бутылка, камень или иной предмет были уже в полете, стрелять запрещалось. Впрочем, стрелять разрешалось также и в ответ на выстрел, произведенный по позиции. В последнее время такие случаи участились. В этой ситуации важно было остаться в живых после первого выстрела, что не всегда удавалось...

Значит, я должен увидеть Его до момента броска или выстрела! Я знал, что Он придет. Я ждал Его все две недели милуим, что мы здесь.

"Зачем мы здесь?"- запальчиво спрашивал молодой рыжеволосый киббуцник в те редкие минуты между сторожевыми вахтами, когда мы встречались в столовой. -"Нужна нам эта вонючая дыра? Ты хочешь двунациональное государство? Почему не потратить эти деньги на бедных и устройство новых олим?!"

Что я мог ему ответить? Что до Шестидневной войны Газа была осиным гнездом терроризма и будет им снова, если мы уйдем? Что у поселенцев Гуш Катиф есть право, записанное в Торе, жить на Земле Израиля, как и у поселенцев Иудеи и Самарии? Что, получив "территории", арабы не остановятся на этом и захотят Галилею, и Ако, и Яффу, а затем и все, что осталось недоеденным? И я, который вернулся после двухтысячелетнего отсутствия, после всего, что было пережито, должен снова стать бездомным?

Луч прожектора выхватывал из темноты угрюмые силуэты домов, черные провалы окон, фонарные столбы. Последние пешеходы исчезли с улицы. Я посмотрел на часы: было 8:30. Комендантский час уже полчаса как вступил в силу."Но Он еще не пришел",- подумал я. - "Он смотрит программу новостей по иорданскому телевидению. Жена подала ему горячий ужин, и он сидит в кресле, расслабившись, отдыхая перед ночной операцией".

Стало холодно. Я натянул на ноги полиэтиленовые пакеты (этот патент сохранять тепло был привезен мною из России и имел большой успех среди мерзнувших на вышках милуимников-сабр) и одел на голову вязаную шапочку. Впереди меня ждала длинная ночь..

2

Электричка в Клин была переполнена так, что стоявший в проходе смуглый бородатый человек восточной внешности свешивался надо мной как виноградная гроздь. Благодаря

своей давно разработанной и отлаженной тактике "Бэг-Ин" (заключавшейся в том, что я забрасывал свой портфель, как якорь, впереди штурмовавших электричку, автобус или метро пассажиров, и они втаскивали его, вместе со мной, вовнутрь) мне удалось захватить сидячее место, где я и расположился, развернув газету на легком иврите "Шаар Лематхиль", готовясь к завтрашнему уроку. Одно из слов в статье было мне незнакомо. Я подчеркнул его и начал листать словарь.

"Не надо, не ищите", внезапно произнес бородатый с сильным иностранным акцентом. - "Это слово, "херут", означает свободу, freedom,- это именно то, что сионисты отняли у нас, палестинцев. Но мы эту свободу вернем",- бородатый повысил голос, и глаза его сверкнули дьявольским блеском, -"Я не советую тебе ехать в Палестину. Я приду к тебе там - и...." - он сделал рукой знак у горла. Этот знак имел только одно значение. Я видел его в фильме Клода Ланцмана "Катастрофа", когда машинист-поляк подгонял эшелон евреев к лагерю Трешлинка.

Горячая волна, хлынувшая к моей голове, несла в себе отрывки семейных хроник о замученных нацистами родственниках, воспоминания о провале на экзаменах в университет, драку с соседом-антисемитом и фотографию солдат у стены Плача в освобожденном Иерусалиме. "Never Again", забил набатом в жилах колокол рава Кахане, жаром разливаясь по телу и приводя в действие сжатую пружину ярости. Но не успела распрямиться пружина: поезд подошел к станции, и бородатый начал протискиваться к выходу.

"Подсолнечная",- значилось на вывеске, возвышающейся над станционной платформой. Солнечногорск. Город Солнечных Гор. Но меня не умиляло и не обманывало сладкорадостное название этого места. Я знал, что в нескольких километрах от этого города находятся знаменитые офицерские курсы "Выстрел", на которых проходили подготовку террористы всех мастей и куда, как было совершенно ясно, направлялся мой неожиданный собеседник. Парадоксально, что командовал этими курсами знаменитый генерал-еврей Драгунский, впоследствии возглавивший пресловутый Антисионистский комитет советской общественности, сыгравший важную роль в советской антиизраильской и антиеврейской травле. "Парадоксально ли это на самом деле?" - подумал я. -"Сколько в истории было евреев-отступников! Начиная с взбунтовавшихся против Моше сынов Корея и кончая Троцким и Кагановичем. А сегодняшние левые в Израиле?"

Внезапно в окне вагона появилось лицо бородатого. Со зловещей улыбкой он повторил свой страшный жест. Поезд тронулся, и запруженная народом станционная платформа медленно поплыла назад, унося с собой эту жестокую угрозу.

"Вам отказано ввиду того, что Ваш выезд противоречит интересам нашего государства"- звучало у меня в ушах, когда, пробираясь сквозь развалины вдруг рухнувшего мира, я вышел из кабинета майора Зинченко. Стремительно улетала в недостижимость страна моей мечты. С тупым злорадством смотрели на меня обычные посетители ОВИРа, пришедшие за туристическими визами или уезжающие в загранкомандировку – приклатненные столпы загнивающего мира. С болью и сочувствием приняли меня евреи, получившие, как и я, отказ, а многие из них - не в первый раз.

Немногочисленные иностранцы, пришедшие за продлением своих виз, с недоумением наблюдали за маленькими трагедиями, ежеминутно происходившими в этом зале - со слезами, криками, обмороками и прочими атрибутами классического театра. Внезапно один

из них встал со своего места и, не спеша, направился ко мне. Борода уже не украшала его лицо, но не узнать его было невозможно: конечно же это Он, мой прошлогодний попутчик по клинской электричке! Он дружески улыбнулся, и, открыв ряд новых великолепных зубов, сказал: "Ну вот, теперь все в порядке, можешь жить!" Видимо, я сделал какое-то непроизвольное движение навстречу, потому что, спустя мгновение, выкручивая руки за спину, меня уже волокли к служебному выходу два дежурных милиционера: "Спокойно, гражданин, спокойно!" Милицейская машина всегда стояла наготове во дворе здания ОВИР.

4

Снег падал густыми хлопьями, и, быть может из-за этого, наша группа демонстрантов, собравшихся около библиотеки имени Ленина, традиционного места еврейских демонстраций, была малозаметной. Во всяком случае, наши плакаты "Отпусти народ мой!" и "Мы хотим домой в Израиль" не привлекли к себе внимания прохожих, а смещение даты проведения демонстрации относительно традиционной (24 декабря, годовщины самолетного дела) и ограниченный состав ее участников предотвратили заблаговременное появление КГБ и милиции. Лишь через полчаса прибыли на машинах "представители общественности", и стражи общественного порядка. Уже начиналась "перестройка", и на первый план вышли штатные и внештатные "представители общественности", а милиция стояла в стороне. Окружив нашу группу плотным кольцом, "общественники" начали теснить нас в переулок, выкрикивая угрозы и оскорбления и вырывая плакаты. "Жида!"- истерично кричала пожилая женщина интеллигентного вида.- "Наш хлеб жрете!" "Как с ними можно дышать одним воздухом?!" - не то спрашивол, не то заклинал пьяноватый ветеран с орденскими планками поверх полушубка. "Сгниешь тут, падло, а Израиль как своих ушей",- дыхнул винным перегаром молодой парень с татуировкой на руках, типичный представитель уголовного мира, перешедший на службу в КГБ. Режиссировал всем этим представлением барского вида господин в дорогой ондатровой шапке и импортной дубленке. Из последних сил я вцепился в плакат, который рвал у меня из рук уголовник. "Можно!"- сверкнул в мою сторону злобный взгляд офицера в дубленке, и в то же мгновение я почувствовал резкую боль в челюсти. Падая, я успел заметить в окне библиотеки Его, улыбающегося и повторяющего свой любимый жест.

5

Длинная очередь в билетную кассу международных линий Аэрофлота меня не испугала. И дело было даже не в том, что за годы жизни в этой стране я привык к стоянию в очередях - никогда сознание того, что у тебя крадут время не радовало. Просто в этот раз у меня в бумажнике, в специальном отделении, в месте, которое уже много лет назад было уготовано для этой цели, лежали зеленые листочки, для постороннего наблюдателя ничего из себя не представляющие, а для меня имевшие колоссальную ценность - выездные визы. Теперь каждый прошедший час сокращал время ожидания того момента, когда я ступлю на землю своей мечты, любви и надежды. Часы, проведенные в этой очереди, стали для меня не забываемыми. Я был активен, охотно вступал в разговор с туристами в Болгарию, с командировочными в Индию, отъезжающими для посещения родственников в Америке и

вольнонаемными на работу в Афганистан. Я был счастлив, и мне хотелось поделиться этим счастьем со всеми.

Заплатив, наконец, деньги и получив красивые глянцевые книжечки билетов Аэрофлота на рейс Москва - Бухарест - Тель-Авив, я направился к выходу, не отрывая глаз от обретенных богатств. У выхода чья-то рука легла мне на плечо. Я остановился и обернулся - это был Он. Он все так же улыбался, но эта улыбка лишь подчеркивала необычную жестокость Его глаз. "Ты все же не послушал меня," - тихо сказал Он. Его акцент заметно уменьшился, сказались годы учебы. - "Что же, жди, я приду. Ты помнишь, что я обещал тебе и всем вам?" - и Он поднял руку, чтобы повторить свой жест. Но на этот раз это ему сделать не удалось. "Never Again"- взрызнул адреналин в мою кровь, и моя рука перехватила Его руку. "Never Again"- ликующая песнь вырвалось из всех пор моего "я" и разлетелось по залу, и все присутствующие повернулись к нам. На шум, как по команде, уже бежали два милиционера... Но это только усилило мое счастье: в последний раз, в последний раз!

6

Где-то рядом с моей вышкой залаяла собака, потом к ней присоединилась вторая, третья, пятая, образуя своеобразный разноголосый собачий хор. Казалось, местные собаки хорошо выучили правила игры: вечером, после наступления комендантского часа, они выбегали на опустевшие улицы, зная, что улицы пусты и их безопасности ничто не угрожает.

Зажглись фонари освещения базы. Я знал, что на их фоне мой силуэт является отличной мишенью, особенно для Него - выпускники курсов "Выстрел" были прекрасными стрелками! Я вспомнил эпизоды из виденных когда-то вестернов. В одном из этих фильмов герой-супермен выставил чучело, одетое в его одежду, а сам спрятался в засаде. И когда отрицательный герой произвел выстрел по чучелу, тем самым обнаружив себя, супермен не промахнулся. Я живо представил себе, как я выставлю вместо себя свое чучело, одену на него "дубон", каску, а сам, пригнувшись, сяду на пол. И в этот момент придет дежурный офицер. Что явится результатом, ясно - наказание за непредусмотренное приказами поведение во время дежурства. Кроме того, Он может бросить бутылку с зажигательной смесью или гранату, и тогда ни от чучела, ни от меня ничего не останется. А если Он не придет сегодня? Нет, не может быть, я ждал его уже столько дней! Значит, оставалось одно - предугадать место, где он появится, и выстрелить первым! Но тогда я нарушу приказ, сколько солдат пошло за это под суд... Значит, оставаться мишенью, жертвой? Но на это есть запрет "Пикуах нефеш"! Что ж, если суждено... Все в руках Всевышнего, создателя неба и земли. Мы не встанем на колени, мы не сдадимся. Мы пришли сюда по Высочайшему повелению, и мы не уйдем. И если будет суд, суд совести и истории, я отвечу на нем теми же словами: "Never Again!"

Стало еще холоднее. Рваные клочья облаков разошлись, и на миг появились звезды, напомнившие мне, что давно уже пришло время вечерней молитвы. "Не будет надежды доносчикам",- просил я Всевышнего. - "Ты уничтожишь и искоренишь врагов и ненавистников Твоего народа!"

Тишину ночи прнзили звуки сирены. Промчалась, мигая синим светом, полицейская машина, а за ней два армейских джипа и команд-кар. Значит, где-то началась заваруха.

Сейчас на арене появятся новые действующие лица - машины "скорой помощи" и ООН. И точно, последние не заставили себя долго ждать. Как шакалы на запахах крови, они бросались в гущу событий, помогали террористам и при этом обвиняли Израиль в «нарушении прав человека». До какого абсурда может довести многократно повторяемая ложь!

В противоположном направлении проехали две "скорых помощи". Видно, дело было серьезным. Вчера вечером забросали камнями автобус с детьми из Неве Декалим, еврейского поселения в районе Гуш-Катиф, а сегодня утром бросили бутылку с зажигательной смесью в здание полиции. Видимо, отмечалась какая-то памятная дата. У интифады был свой календарь: через два дня на третий праздновался "День ФАТХ", годовщина начала интифады, годовщина начала войны в Заливе, "День земли" и т.д. Эти дни знаменовались усилением террористической деятельности, демонстрациями и всеобщей забастовкой. Тот, кто не участвовал в забастовке, объявленной руководителями террористических организаций, рисковал жизнью. Это очень напоминало наши профсоюзные забастовки. Иногда казалось, что они нужны лишь профсоюзным боссам в силу их личных или политических интересов. Но мы обязаны в них участвовать - такова установившаяся действительность.

Снова воцарилась тишина. Звезды с неба ушли в сплошную пелену облаков. "Если пойдет дождь", - подумал я с надеждой, - "будет теплее". Тот факт, что моя вышка основательно протекла, волновал меня меньше: прежде, чем вышка наполнится водой, я успею смениться. Или...- мои мысли снова вернулись к предстоящей встрече. Интересно, изменился ли Он за эти два года? Может, снова отрастил бороду? Появился ли у Него животик, как у меня? Утратил ли Он хоть малую долю той кровожадности, что горела у него в глазах?

Я посмотрел на часы. Было ровно 10. Он придет после полуночи, до 2-х, часа, когда я должен смениться. Конечно же, Он изучил график наших смен и знает, что лучшее время для удара - к концу смены, когда солдат охраны устал и думает лишь о том, как устоять против одурманивающей сонливости.

"Уснуть на дежурстве так же опасно, как и за рулем", - подумал я, - "сколько автокатастроф случилось из-за того, что водитель уснул за рулем!" Я и сам однажды так уснул, но это было там, в той жизни. А было ли? Реальность прошлого утратила свое значение как реальность. Она стала мифом, легендой, оттиском в памяти. Реальной была лишь эта вышка, мое ружье М-16 и грязная улица с разбитым асфальтом, источник смертельной опасности для моей жизни.

С территории базы донеслись крики, смех, музыка, затем все стихло. Видно, солдаты-сабирники устроили вечеринку и открыли дверь наружу, чтобы впустить товарища. Они веселились, делали разрядку после долгих часов патрулирования по городу под градом камней и издевательских выкриков, бессильные что-либо сделать из-за запрета стрелять. Какое им дело до моего предстоящего поединка... На войне каждый выполняет свою работу.

Светящиеся стрелки часов сомкнулись у отметки 12. Итак, контрольный отсчет времени начался - пора приступать к последним приготовлениям.

Идеальным местом для нападения была крыша дома напротив. Я не верил, что Он захочет стрелять оттуда, ибо жильцы, впусившие его, дорого за это заплатят. Не стали бы они его у себя и прятать. Значит, Он прибудет непосредственно перед нападением, на машине ли, на осле или пешком. Сейчас мне надо было очень хорошо слушать. Все мое существо

сконцентрировалось в двух ушных раковинах, локаторах моего спасения. В давно наступившей тишине я мог расслышать редкие шорохи деревьев, скрип двери в комендантской комнате, кашель больного в доме напротив. Только бы этот кашель не затянулся! "Прими же таблетку", - посылал я больному мысленные приказы.

И вот, наконец, я услышал звук, который мог занести в разряд подозрительных: со стороны прохода между домами донесся хлопок двери автомобиля. Но не было слышно звука мотора, не было видно света фар, хотя бы и отраженного.

Значит, Он приехал давно и сидел в машине. Ждал намеченный для удара момент времени. И вот этот момент настал, и Он вышел из машины, чтобы меня убить.

Конечно же, я понимал, что мог тысячу раз ошибаться и это был кто-то другой, не имеющий к терроризму никакого отношения, но какая-то неведомая сила, внутренний источник посылал мне импульсы: Он пришел, Он пришел...

Прожектор уже давно был направлен на крышу, на ту точку, куда могла выходить лестница. Я накрыл дубоном ружье и взвел затвор (чтобы этот характерный звук не был услышан как Им, так и на базе), встал к окну и прицелился. Уперев ружье в специальную подставку, я освободил левую руку и положил ее на выключатель прожектора. Тот же самый механизм неведомой силы-внутреннего источника сжал меня в тугую пружину. Где-то в глубине моего естества заиграла какая-то старая мелодия, постепенно усиливавшаяся по мере того, как текли секунды. Послышался лязг чего-то железного, видимо, крышки люка. Я отсчитал про себя 201, 202, 203, 204 и повернул выключатель. Яркое белое пятно света выхватило из темноты фигуру человека, сжимающего в руках автомат. Мгновения хватило мне, чтобы узнать Его, слегка обрюзгшего, полысевшего, но не ставшего от этого менее опасным. Мелодия, звучавшая во мне, перешла в грохочущий барабанный бой, выбивающий один и тот же ритм: NE-VER A-GAIN NE-VER A-GAIN, и я нажал курок. Грохот выстрела слился с барабанным боем и не произвел на меня никакого впечатления. Фигура моего врага согнулась пополам, упала на крышу как в фильмах-боевиках, покатила к краю и рухнула вниз. Со всех сторон ко мне бежали солдаты. Барабанный бой стих и пасук из Торы пришел ко мне: Когда выйдешь на войну против врагов твоих, и Господь, Б-г твой, предаст каждого в руку твою...

Зима 1992, Газа